

A. Munkewitz

P34157

A. Mickewitz

Адам Мицкевич

ИЗБРАННОЕ

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

1943

M-70 + ПОЛС

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами,
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся...

ПУШКИН

1834

Портрет Мицкевича, 1826.

Раб. Вивьена, гравировано И. Холевинским.

ВОЛОД

ЧИТАЛЬНЯ

Обл. Библиотека

АДАМ МИЦКЕВИЧ

Великий поэт Адам Мицкевич родился 24 декабря 1798 г. близ городка Новогрудок. Его детские годы прошли на хуторе отца под Новогрудком, среди великолепной природы, среди песен, сказок, легенд, которые пели и рассказывали белорусские, польские и литовские крестьяне, населяющие эти места. Народная мудрость, пронизывающая эти сказания, с детских лет воспитывала душу поэта, сообщив его патриотизму в зрелые годы глубоко демократический, революционный характер. Она придала его поэтической индивидуальности, его творчеству неподражаемую непосредственность и простоту.

Юношеские годы Мицкевича прошли в Виленском университете. Здесь Мицкевич принимал участие в кружках „филомагов“

(друзей науки) и „филаретов“ (друзей добродетели). В Польше, которая незадолго до этого подверглась третьему разделу, эти кружки принимали характер патриотических обществ, стремившихся восстановить независимость родины.

Адам Мицкевич был одним из организаторов этих кружков. Он принимал активное участие в их работе. Одновременно Мицкевич стал серьезно заниматься поэзией. Появился ряд его стихотворений. Они были еще связаны с ложноклассическими традициями, но уже ломали эту форму, возвещая зарю романтизма.

В этот период были написаны „Баллады и романсы“, первая, вторая и четвертая части поэмы „Дзяды“, „Ода к молодости“ и ряд других великолепных, глубочайших произведений.

„Ода к молодости“, с ее призывом свергнуть старый мир с его устоев, показать ему новые пути, действительно могла бы, по меткому замечанию профессора Бой-Желенского, служить эпиграфом к революционной газете „Трибуна народов“, издаваемой Мицкевичем в 40-е годы.

Дом Мицкевича в Новогрудке.

В 1823 году Мицкевич был вместе со всеми своими друзьями арестован царскими властями за принадлежность к обществу „филаретов“. После нескольких месяцев тюремного заключения его выслали в Россию. Здесь он познакомился с декабристами — Рылеевым, Бестужевым и другими. Из Петербурга Мицкевич был направлен в Одессу, где прожил несколько месяцев, путешествовал по Крыму, затем вернулся в Петербург. В Одессе и в Крыму он написал любовные сонеты и „Крымские сонеты“ — выдающиеся произведения мировой поэзии.

В Москве и Петербурге Мицкевич сблизился с великим русским поэтом Пушкиным и его друзьями. У всех живет в памяти посвященное Мицкевичу стихотворение Пушкина „Он между нами жил...“

Мицкевич попал в общество наиболее передовых людей той эпохи, в общество Пушкина и его талантливейших друзей — Баратынского, Вяземского и др. Знакомство Мицкевича с ними и с поэтами-декабристами в огромной степени усилило свойственный патриотизму Мицкевича интернациональ-

ный оттенок, показало ему благородство лучших представителей великого русского народа и подлость слуг царизма, угнетавших родину Мицкевича. Поэт приветствовал лозунги восставших поляков, обращенные к угнетенному русскому народу: „За вашу свободу и нашу“.

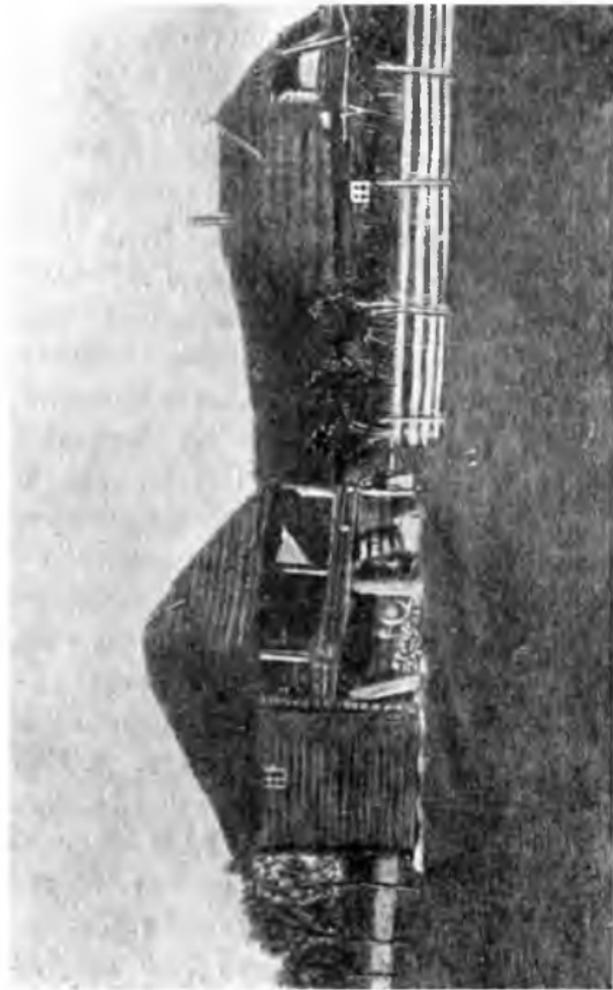
Творчество Мицкевича в этот период достигает таких вершин, каких мировая поэзия достигала только в созданиях немногих поэтов, равных Шекспиру, Пушкину, Гете. Именно в этот период были написаны поэма „Фарис“, поэма „Конрад Валленрод“.

В 1829 году Адам Мицкевич получил разрешение на выезд за границу. В Риме его застигло известие о польском восстании 1831 года. Он не принял в нем участия, то собираясь ехать, то колеблясь, — видимо, раздираемый внутренними противоречиями. Но нравственное потрясение, вызванное этим восстанием, заставило Мицкевича взяться за перо. В Дрездене была написана III часть поэмы „Дзяды“. После этого Мицкевич пережил трудные, тяжелые годы.

Подхваченный волнами эмиграции, поэт очу-

тился в Париже. Там были эмигранты всех направлений, оттенков, устремлений. Эта разношерстная среда была занята мелкими внутренними раздорами. Вначале энергии Мицкевича хватило еще для интенсивной работы: в Париже написано лучшее его произведение, эпическая поэма „Пан Тадеуш“ — прощание с уходящей в прошлое старой Польшей. На фоне чудесных картин природы проходит перед нами старое польское общество, со всеми его обычаями, нравами, со всеми смешными и нелепыми сторонами, со всеми привлекательными и отталкивающими чертами. Грустная улыбка поэта сопровождает героев до самого конца поэмы.

После „Пана Тадеуша“ поэтическая деятельность Мицкевича (если не считать пескольных лирических стихотворений) прекращается. Наступает несколько печальных, темных лет в жизни поэта. Воспитанная в детстве набожность, некоторая склонность к мистицизму, которая всегда была свойственна Мицкевичу, усилились под влиянием тяжелой общественной атмосферы и чрезвычайно мучительных и сложных обстоя-

*Заосе, усадьба Мицкевичей близ Новорудка,
где в 1798 г. родился поэт.*

тельств личной жизни. Но и в это тяжкое время не совсем прекратилась, хотя и ослабла, его общественная деятельность. Лекции Мицкевича в „Collège de France“ были посвящены истории славянской литературы. Мицкевич всегда связывал возможность освобождения Польши с демократическими революциями в Европе. После событий 1848 года поэт окунулся в лихорадочную деятельность. Он кинулся в Италию, создавал там польский легион, который должен был бороться под польскими знаменами за независимость Италии. После неудачи этого предприятия Мицкевич возвращается в Париж, где в 1849 году начинает редактировать большую французскую газету „Трибуна народов“ — газету ярко демократическую и социалистическую, с программой, где были пункты об изменении общественного строя и освобождении крепостных крестьян, о равноправии евреев, о равноправии женщин и т. д. Все эти лозунги гремели со страниц газеты, главный редактор которой, Адам Мицкевич, в ряде статей со страстью пропагандировал социализм и призывал к борьбе.

За 85 лет, прошедших со дня смерти

Развалины замка Мендоса в Новорудке.

Мицкевича, многие буржуазные и дворянские исследователи пытались истолковывать его на свой лад, делая из него то польского шовиниста, то правоверного католика, то сторонника феодальной шляхты.

Нам нет необходимости считать Мицкевича последовательным социалистом. Но великий поэт, который в одной из своих лучших импровизаций заявил, что „разрушение во имя справедливого дела так же свято, как и созидание“, страстный публицист, который, обращаясь к утопическим социалистам, взывал: „Всякая система, будь она даже в миллион раз гениальнее системы гражданина Консидерана, останется бесплодной утопией до тех пор, пока она будет стремиться разрешить общественный вопрос мирным путем, никого не задевая.

... Вы признаете, что общество состоит из зараженных гангреной элементов, враждебных друг другу, что существуют только рабы и угнетатели, жертвы и палачи, — и вы хотите осчастливить человечество установлением гармонии между добром и злом...» — такой поэт, интернационалист и революционер, принадлежит всему демократическому

человечеству. Все его творчество, само его имя — это знамя борьбы против мрака, против гнета, против тирании. Великая тень поэта идет впереди колонны борцов против грязной, черной фашистской реакции, борцов, рвущихся к победе света и разума над тьмой и варварством.

Е. УСИЕВИЧ

37/59

Портрет Мицкевича, 1823

Раб. В. Виньковича

РУССКИМ ДРУЗЬЯМ

Вы помните ль меня? В ряду моих друзей,
Казненных, гибнущих на каторге, в темницах,
Вы все проходите пред памятью моей,
И близких узнаю я в чужеземных лицах.

Куда вас кинул рок? Рылеев, с кем я встарь
Лелеял замысел мятежный и свободный,
На виселице ты! О, трижды проклят царь,
Чьей подлою рукой убит трибун народный!

Бестужев, где твой меч? В угоду палачу
Ты брошен в рудники, и твой потушен
пламень.

С поляком скованный навек плечом к плечу,
Ты, воин и пророк, дробишь подземный
камень.

Быть может, золотом иль чином ослеплен,
Иной из вас, друзья, наказан небом строже:

Быть может, разум, честь и совесть про-
дал он

За ласку щедрую царя или вельможи;

Иль кесаря воспев подкупленным пером,
Позорно предаёт бывших друзей злословью,
Иль в Польше тешится награбленным доб-
ром,
Кичась насильями, и казнями, и кровью.

Пусть эта песнь моя из вольной стороны
К вам долетит во льды полуночного края,
Как радостный призыв свободы и весны,
Как журавлиный клич, веселый вестник мая.

И голос мой вы все узнаете тогда!
Безмолвный, ползал я змеей у ног тирана.
Но горечь ярости, и скорби, и стыда,
Как чистый голубь, вам вверял я без об-
мана.

И ныне изолью всю желчь речей моих,
Безмолвствуя терпеть душа не в силах
больше.
Пусть ваши кандалы расплавит гневный
стих

Слезами жгучими окровавленной Польши.

И пусть продажный льстец презренной кле-
ветой

Поэта скорбного бесстыдно опорочит:

Так лает и рычит от злости пес цепной,

Когда с него пришлец сорвать ошейник
хочет.

Пер. В. Левик

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

РОМАНТИКА

Слушай, девушка, стой!

— Не слышит.—

Белый день ведь! Кругом твой поселок
родной!

Близ тебя тут никто и не дышит:

Так за кем ты бежишь?

Кого догоняешь и с кем говоришь?

— Не слышит.—

То она мертвым камнем застынет,

Ни на что и взгляда не кинет,

То блуждает очами вокруг,

То слезами залется,

Что-то ловит, хватает — и вдруг

Разрыдается и рассмеется.

— Ты ли ночью здесь? Ты ли, мой Ясь?

Ах! И в смерти любовь не пропала!

Вот сюда... потихоньку... молчи, притаясь,

Чтобы мачеха не услышала.

Ну да пусть... Ведь тебя уже нет, ты в
могиле,—

Тебя схоронили.

Ты же умер... от страха я вся помертвела...

Но тебя ль мне бояться, мой Ясь? Это ты!

Твои очи, твои узнаю черты,

Узнаю твой кафтанчик белый.

Да и сам полотна ты белей...

И холодный! Прижмись к моей груди скорее,

Я холодные руки твои отогрею,

Ты с моими уста свои слей!

Ах! Как холодно, верно, в могиле сырой!

Уж два года, как умер ты, милый...

Так возьми ж и меня: пусть умру я с тобой:

Жизнь мне стала постылой.

Тяжко мне средь недобрых людей:

Плачу я — норовят они только обидеть,

Говорю — но моих не понять им речей,

Вижу то, — чего им не увидеть.

Ты днем приходи... То не сон ли пустой?

Нет! Я крепко держу твои руки...

Но куда исчезаешь? Куда ты? Постой!

Рано, рано еще для разлуки.

Боже мой! Петухи прокричали,

И в оконце заря занялась...

Но куда ты исчез? Ах, постой же, мой Ясь!

Я умру от печали!“—

Так любимого молит... и бежит... и потом
Наземь падает в горе великом.

Привлеченные жалобным криком,

Собираются люди толпой.

„Творите молитвы! Душа его здесь
наверно!“ —

Так народ в простоте восклицает своей:

„Ясь Катрусю при жизни любил без-
мерно—

После смерти он, верно, с ней!“

Слышу это — и верить готов простодушно.

Плачу я и молитвы читаю послушно.

В шумный гомон толпы тут вмешался
старик,

Закричал: „Как не стыдно?

В этих очках взор мой всюду проник:

Ничего тут кругом не видно!

В кузне глупости люди творят пустяки,

Черни вздорные выдумки — духи и души...

Девушка бредит — вы же развесили уши,

Правде и разуму вопреки“.

„Девушка чувствует“... — молвил я
скромно, —

Верят глубоко простые сердца.

А значение чувства и веры — огромно,

*Мицкевич и его друг Одынец на Везувии
(с картины Андриолли).*

ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого — пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
„Гей, ты“, кликнул, „чортов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,

Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. я ж ее!“

Пан и хлопец под забором,
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: „Все пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье,—
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,

Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать“.

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
„Пан мой, целить мне не можно“,
Бедный хлопец прошептал:
„Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал“.

„Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди“.

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

Пер. А. Пушкин

ЛИЛИИ

Неслышанное дело,
Убила мужа пани!
Похоронила тело
У речки, на поляне,
И лилии сажала,
Сажая — напевала:
„Расти цветок высоко,
Как пан лежит глубоко,
Как пан лежит глубоко,
Так ты расти высоко!“

Мужеубийца-пани
В кровавом одеяньи
Бежит в лесной глуши.
Путь и холмист и длинен,
Стемнело, ни души.
Заухал грозно филин,
Повеял ветер сонно
И каркнула ворона.

Примчалась на опушку,
Где ручеек и бук,
К отшельнику в избушку
Стучится: тук-тук-тук!

Отшельник отворяет,
Навстречу фонарю
Она в избу вбегает,
Подобна упырю...
Лицо белей, чем плат,
Остановился взгляд,
Хочет, с синих губ
Слетает: „Муж мой — труп!“ —

„Господь с тобою, пани,
Зачем блуждаешь ты,
Одна в сыром тумане,
Под кровом темноты?“ —

„Мой замок за дубравой,
Мой муж пошел весной,
По зову Болеслава,
На киевлян войной.
Идет за годом год,
А муж домой нейдет,
Соседи — молодежь,
Как от греха уйдешь?“

Попала в сеть порока,
Не сдобровать самой,
Король казнит жестоко,
Вернулся муж домой.

Но грех от мужа скрыт!
Вот кровь, вот острый нож
А муж убит, убит.
Верь, это все не ложь!
Скажи святое слово,
Как я должна молиться?
Кто даст мне отпущенье?
Готова в ад спуститься,
В огне гореть готова,
Чтоб канули в забвенье
Мой грех и преступленье“

Сказал отшельник старый:
„Тебя не грех страшит,
Людской боишься кары,
Но грех твой будет скрыт!
Утишь свое волненье,
И хмурый лоб разгладь:
По воле провиденья,
Сокрыто преступленье,
Муж мог бы рассказать,
Но мертвому не встать!“

Довольна приговором,
В молчании одна
Глухим осенним бором
Спешит домой она.
У замка ждали дети:
„А где же наш отец?“
Страшны вопросы эти:
Какой отец? Мертвец...
Ответила с трудом:
„Отстал в лесу густом.
Вернется к нам потом!“

И ждут весь вечер дети,
Ждут день, другой и третий,
Ждут, но в конце недели,
Забыв, повеселели.

А пани не забыла
Свой тайный, страшный грех,
Душа ее уныла,
Уста забыли смех.
Сон не смежит ресницы,
Ночами мнится ей
То вздохи у светлицы,
То шорох у дверей,

То голос, наконец:
„Я, дети, здесь, отец!“

Нет, пани не забыла
Свой тайный, страшный грех,
Душа ее уныла,
Уста забыли смех.

„Стучат копыта, Анка,
Беги скорей во двор.
Кто мчится спозаранку
Мостом во весь опор?
В лес выйди, за ворота,
Не к нам ли в гости кто-то?“ —

„Летят к нам верховые,
Два всадника летят.
Ржут кони вороные
И сабельки блестят!
Два бравых молодца!“
То братья мертвеца!

На землю соскочили:
„Невестке наш привет,
Где брат?“.— „Лежит в могиле,
Покинул белый свет!“—
„Когда?“ — „Да год уж минул.“

Погиб, в походе сгинул!“ —
„Утешься, милый брат
Здоров и невредим,
Войска пришли назад,
Увидишься ты с ним“.

Но пани белой стала
И замертво упала.
Остановился взгляд,
Не в силах скрыть тревогу.
„Он — труп“, — уста твердят.
Очнулась понемногу,
Нельзя не притворяться,
Спросила у гостей:
„Где муж? хочу скорей
С любимым повидаться!“ —

„Мы возвращались вместе,
Он мчался впереди,
Чтоб нас принять по чести,
Тебя прижать к груди.
Вернется, видно, скоро,
С пути он сбиться мог,
В зеленой чаще бора
Плутает меж дорог.
Мы подождем денек,
Вернется, видно, скоро!“

Озеро Свистель.

Вот разослали слуг,
Прождали день, другой,
Ждать дольше недосуг,
В слезах спешат домой.

Путь заступает пани:
„Ой, братья, даль в тумане,
Не для поездок осень,
Бушует вихрь меж сосен,
Еще повремените
И брата подождите!“

Ждут зиму, дни летят,
Не воротился брат.
Ждут с мыслию одной,
Вернется ли весной?
А брат давно в могиле,
Над ним куст белых лилий
Разросся так высоко,
Как брат лежит глубоко.
И братья у невестки
Забыли о поездке.

Хозяйство хоть куда,
Хозяйка молода.
Твердят, что уезжают,
А сами выжидают,

Все лето в замке жили,
О брате позабыли.

Хозяйство хоть куда,
Хозяйка молода,
И как вдвоем гостили,
Вдвоем и полюбили.
И каждый брат в сомненьи
И ревностью томим:
Жить без нее — мученье,
Жить с ней — нельзя двоим.
Одна у двух зазноба,
И к ней приходят оба.

„Невестка, говорят,
Не прогневись на речи,
Уж не вернется брат,
Напрасно ждали встречи.
Ты, пани, молода,
Но вянет красота,
Горька твоя утрата,
Возьми за брата—брата!“

Сказали — замолчали,
И в ревности, в печали
Один взглянул сурово,
Другой промолвил слово.

Взялись за сабли оба,
И жжет обоих злоба.

Как помирить двоих?
И как ей быть? — не знает.
Остаться просит их
И тотчас убегает
Туда же на опушку,
Где ручеек и бук.
К отшельнику в избушку
Стучится: тук-тук-тук.
Все старику открыла
И в горести молила:

„Как помирить мне их?
Равно люблю двоих!
С кем под венец итти,
Кому сказать — прости?
Есть у меня детишки,
Деревни, есть излишки,
А все достаток хуже,
Чем ранее, при муже!
Но, ах! не знать мне боле
Счастливой брачной доли.
Страшусь я божьей кары,
Измучили кошмары,

Едва закрою взоры,
Как падают затворы;
Проснусь, и сердце слышит,
Как ходит он и дышит,
Как ходит без конца...
Я слышу мертвеца.
Над ложем он все ниже,
А нож кровавый ближе,
И сыплет искры с губ...
Меня терзает труп.
Страх в сердце шевелится,
В светлице не сидится,
И ах! не знать мне боле
Счастливой брачной доли!"

Сказал отшельник старый:
„Злодей достоин кары.
Но если он страдает,
Господь мольбам внимает.
Знай, богом мне дано, —
Я грех твой разрешу:
Пусть муж убит давно,
Сегодня воскрешу!" —

„Нет, нет! бросает в дрожь...
Отец мой, не сейчас,
Навеки острый нож

Разъединяет нас!
Я стою наказанья
И ради искупленья
Перенесу страданья.
Раздам свое именье,
Монашество приму,
В лес убегу, во тьму.
Нет, нет! Бросает в дрожь,
Не воскрешай сейчас,
Навеки острый нож
Разъединяет нас!“
Святой вздохнул в печали,
И слезы взор застлали.
Лицо закрыл он в муке,
Сказал, ломая руки:
„Что ж, соберись к венцу,
Не бойся вурдалака,
Не выйти мертвецу
Из гробового мрака.
На твой лишь только зов
Вернется муж под кров!“ —

„С кем под венец итти?
Кому сказать — прости?“ —
„Во всем доверься богу,
Укажет он дорогу:

Лишь свет блеснет с небес,
Пошли обоих в лес.
Пускай цветов нарвут,
Из них венки совьют,
И свой веночек особо
Пускай отметят оба.
Венки пусть на заре
Положат в алтаре,
Чей выберешь веночек,
Тот муж твой, тот дружок!"

И пани ловит слово—
В счастливый новый брак
Она вступить готова:
Не страшен вурдалак,
Его она, понятно,
Не позовет обратно!

Довольна приговором,
В молчании одна
Глухим осенним бором
Спешит домой она.
Бежит тропой лесною
Через овраг, болото
И слышит за спиною,
Как догоняет кто-то
И тихо шепчет ей...

Сомкнулась тьма плотней,
А эхо будит глушь:
„Я здесь, твой муж, твой муж!“
И догоняет кто-то.
Бежать не стало сил,
Страх ноги подкосил,
Бойтся оглянуться,
Ей стоны вслед несутся,
А эхо будит глушь:
„Я здесь, твой муж, твой муж!“

Воскресный день, в усадьбе
Уж все готово к свадьбе.
Лишь свет блеснул с небес,
Как братья скрылись в лес.
В костел приводят пани
Подружки; как в тумане,
Из алтаря, бледна,
Взяла венок она
И, воротившись в круг,
Спросила у подруг:
„Из лилий мой венок,
Кто муж мой, кто дружок?“

К ней старший со всех ног
Бежит, уста пылают,
В ладони ударяет:

„Моя ты! мой венок,
Средь лилий неприметный
Вплел ленточки клочок,
Вот он, значок заветный,
Он мой, он мой венок!“

„Ты лжешь, — кричит другой, —
Венок из лилий мой!
Окиньте поле взглядом,
Здесь с этой рощей рядом
Собрал я много лилий
У речки на могиле.
Вот холмик, ручеек,
То мой, то мой венок!“

И братья в злобной ссоре:
Тот — слово, два — другой,
Мечи блеснули вскорее,
И загорелся бой.
Венок хватают в споре:
„Он мой, нет мой, нет мой!“

Вдруг ветром дверь раскрыло
И свечи погасило,
И некто в белом вдруг
Знакомыми шагами
Вошел в смятенный круг

И, поведя очами,
Воззвал из темноты:
„Мои— венок и ты!
Цветы с могилы взяты.
Ксендз, брачных клятв не рушь,
Жена, страшись расплаты!
Я здесь, твой муж, твой муж!
Вы, братья, в бой вступили,
И не спасти вам душ,
Цветы с могилы были,
Я здесь, ваш брат, твой муж!
Бросайте смертный бой, —
Я всех возьму с собой!“

Храм треснул пополам,
И срубы обнажились,
И своды обвалились,
И провалился храм.
А там, где стены были,
Расцвел куст белых лилий,
И рос он так высоко,
Как пан лежал глубоко.

Пер. С. Мар

СВИТЕЗЯНКА

Кто этот юноша скромный, прекрасный,
Рядом с ним дева кто эта,
Идут по берегу Святизи ясной
В проблесках лунного света?
Дева ему предлагает малины,
Он ей цветов предлагает;
Знать, то виновник девичьей кручины,
Видно, по ней он вздыхает.
Каждую ночь я в условную пору
Тут их под дубом встречаю.
Здесь стрелок, он и рыщет по бору;
Кто эта дева — не знаю.
Скрылась — куда? И откуда? Поньше
Это никто не узнает.
Всходит она, как цветок на трясине,
Искрой ночной пропадает.
„Друг мой, скажи мне, — зачем ты скрываешь?
Тайна к чему нам пустая?

Что за тропинку глухую ты знаешь?
Где твоя кровля родная?
Лето минуло, дождлива погода,
Лист пожелтел на вершинах, —
Буду ль всегда твоего я прихода
Ждать на прибрежных долинах?
Полно блуждать, как упырь, невидима,
Серной мелькать молодую;
Лучше останься ты с тем, кем любима!
Милая, следуй за мною!
Домик мой здесь недалеко; раздольно
В нем меж кустами ольшины;
Там молока и плодов с нас довольно,
Всякой довольно дичины“.
„Стой! Стой! Отвечу пред гордым мужчиной,
Вспомня отцовский обычай:
В голосе вашем привет соловьиный,
В сердце же помысл лисичий.
Страшно! Любви я не верю, робею;
Хитрый обман злонамерен.
Может быть, я и была бы твоею,
Только ты будешь ли верен?“
Юноша пал на колени, хватает
Землю, клянется и светом,
Ясной луною, и адом... Кто знает,
Будет он верен обетам?

„Этим обетам будь верен, мой милый!
Кто нарушает подобный, —
Здесь ему горе, и там, за могилой,
Горе душе его злобной“.
Дева венки свой надела в смущеньи,
Смокла, махнула рукою
И, поклонившись стрелку, в отдаленьи
Скрылась знакомой тропкою.
Он ей вослед, но напрасны старанья!
Сколько стрелок ни метался,
Дева исчезла, как ветра дыханье;
Он одинокий остался.
Где он? свернул незнакомой тропкою...
Гнется трясина живая,
Тихо кругом, лишь трещит под ногою
Изредка ветка сухая.
Вот и к воде подошел он в смущеньи,
Взоры блуждают без цели...
По лесу ветер завыл в отдаленьи,
Волны, кипя, зашумели.
Льются и плещут, кипя и сверкая,
О, это призрак напрасный!
Чудная дева всплыла, разверзая
Влагу на Святизи ясной.
В каплях чело ее мягче сияет
Роз белоснежных завоя,

Озеро Свительс.

Легче тумана покров овивает
Тело ее неземное.
„Юноша, юноша нежный, прекрасный,—
Дева взывает с упреком, —
Что ты тут бродишь у Свитязи ясной
В полночь в раздумьи глубоком?
Юного сердца порывы так жарки,
Ты околдован мечтою...
Может быть, речи вертлявой дикарки
Были насмешкой пустою?
Слушай и верь мне: с тоскою расставшись,
Брось этот призрак печальный;
Здесь оживешь ты; здесь будем, обнявшись,
Плывать по влаге кристальной.
Взлюбишь ли ты лишь, как ласточка, шибко
Волн по верхам прикасаться,
Или доволен и весел, как рыбка,
День весь со мною плескаться;
Ночью ж, на дне серебристой купели,
Под зеркалами живыми,
Нежась на мягкой лилейной постели,
Тешиться снами златыми!“
То, не касаясь до влаги стопами,
Радугой блещет лучистой,
То, погружаясь, играет с волнами,
Пеною брызжет серебристой.

Юноша к ней; но, опомнясь, с разбегу
Хочет прыгнуть и не хочет;
В ноги к нему подкатившись по берегу,
Нежно волна их щекочет.
Льнет и щекочет так сладко-игриво,
Так в нем душа замирает,
Будто бы руку ему торопливо
Милая тайно сжимает.
Вмиг позабыты душой омраченной
Клятвы перед девой лесною,
К гибели мчится стрелок ослепленный,
Новой взманен красотой...
Мчится и смотрит, и смотрит и мчится
Следом коварного тока,
Синяя бездна дрожит и кружится,
Берег остался далеко.
Рук белоснежных он ищет руками,
Очи в очах утопают,
Хочет к устам прикоснуться устами,
Волны бегут и сверкают.
Вдруг ветерок пропорхнул, разгоняя
Тучки сребристой завесу;
Юноша смотрит, черты узнавая...
Ах, это дева из лесу!
„Где же обет твой священный, мой милый?
Кто нарушает подобный,

Здесь ему горе, и там, за могилой,
Горе душе его злобной.
Где тебе мчаться равниною водной,
С бездной играть голубою?
Бренное тело землю холодной,
Очи закроются тьмою.
А у знакомого дуба скитаться
Будет душа твоя злая;
Тысячу лет суждено ей терзаться,
В пламени адском сгорая!“
Слышит стрелок эти речи в смущеньи,
Взоры блуждают без цели;
По лесу ветер завыл в отдаленьи,
Волны, кипя, зашумели.
Мечутся волны толпой разъяренной,
Плещут, клокоцут и стонут,
Пасть разверзается хляби бездонной,
Дева и юноша тонут.
Волны поныне и в брызгах и в пене
Плещут, исполнены гнева;
Мчатся по ним две знакомые тени —
Юный стрелок то и дева!

Пер. А. Фет

ПОБЕГ

Он воюет — год уж минул,
Не вернулся, видно, сгинул.
Панна, грустно дни летят,
Погляди — от князя сват.

Князь пирует дни и ночи,
Панна выплакала очи.

Были очи как зарницы,
Стали мутные крыницы.
Как луна лицо светлело,
Но погасло, похудело.
Вянет юность, вянет тело.

Мать хлопочет, мать в смущеньи —
Миновало оглашенье.

С гиком, криком едут гости.
„К алтарю не поведут,

На погост меня свезут,
Спать положат на погосте.
Если друг погиб, я сгину,
Мать, не изживешь кручину“.

Ксендз сидит в конфессонале:
„Дочь, открой свои печали“.

Ведьма-кумушка явилась:
„Вон ксендза, святошу прочь!
Божья милость только снилась,
Я могу в беде помочь.“

У меня хранятся в келье
Зерна мака и царь-зелье.
Силой чар верну его,
Совершится колдовство.
Локоп друга свей ужом,
Руку полосни ножом,
Два кольца свяжи покрепче,
Мы над локоном нашепчем,
В два колечка дунем вместе —
И вернется друг к невесте“.

Ворожит — ездок спешит.
Заклинает — он внимает.
Дом холодный бросил рано,
И тебе не страшно, панна?..

Смолкли колокола звоны,
Панна друга ждет дрожа.
Полночь. Дремяют сторожа,
Слышен топот отдаленный...
Слышен вой, но, хвост поджав,
Умолкает волкодав.

Заскрипела половица.
Кто в сенях там шевелится?
Кто там дверь раскрыл рукой,
Дверь одну вслед за другой?
Рыцарь в белом одеяньи
На постель садится к панне.

Время сладкое течет,
Пронеслась сова стеная,
Пробил час. „Прощай, родная,
Конь заждался, слышишь, ржет?
Или — на коня скорей
И навеки стань моей!“

Серп туманный, всадник с панной
Вскачь несутся неустанно.
И тебе не страшно, панна?

Конь по лесу вихрем мчится,
Там листва не шевелится,
Только каркнет полусонно

В чаще ельника ворона
И блестят глаза волков,
Точно сотни огоньков.

„Конь, скачи во весь опор,
Месяц низко над землей,
А пока он над землей,
Пролететь нам десять гор,
Десять рек и скал стрелой.
Запоеет петух с зарей“.

„Путь куда наш?“ — „Путь домой,
Дом мой на горе Мендога¹,
Всем открыта днем дорога,
Ночью лишь тебе со мной“. —
„Там твой замок?“ — „Замок тот
Без замков и без ворот“. —

„Милый, придержи коня,
Мне неловко на луке.—“
„Охвати рукой меня,
Что, скажи, в твоей руке?
Не мешечек ли с шитьем?“ —
„Нет, молитвенник с крестом!“—

¹ Гора Мендога — близ Новогрудка. Играла роль кладбища. „Отправиться на гору Мендога“ у местного населения значило: умереть.

„Не сдержать коня, погоня!
Слышишь топот? мчатся кони!
Пропасьть пред конем моим,
Книжку брось — и пролетим!“

Сбросив гнет, прыжком ретивым
Конь пронесся над обрывом.

Бездорожьем мчится конь.
Тоги, ветер завывает,
Лишь блуждающий огонь
Над могилами мелькает.
Оставляя за собой
Свет лучисто-голубой,
Конь летит за ним стрелой.

„Что за странная дорога!
Не ступала здесь нога“. —
„Все дорога, коль тревога,
Коль уходишь от врага.
За чертой моей ограды
Гостю пешему не рады:
Цугом богача везут,
Слуги бедняка несут“.

„Конь, скачи во весь опор,
Через час заря взойдет,
Скоро колокол пробьет,

А пока он не пробьет,
Мчись! осталось мало гор,
Две скалы и две реки,
Не пропели б петухи!“

„Натяни поводья туже,
Конь от страха захрапел.
Тьма кругом, тропинка уже,
Конь о дерево задел“. —

„На тебе шнурок с мешечком,
Что в нем, милая, хранится?“ —

„Четки вместе с образочком
И святых мощей частица“. —

„Шнур проклятый ненароком
Скакуна ударил в глаз,
Оттого он скачет боком,
Брось игрушки, брось сейчас!“

Конь, избавясь от тревоги,
Пролетел пять миль дороги.

„Не погост ли там у скал?“ —

„Это замка древний вал“. —

„А чернеют не кресты ли?“ —

„Это башенки застыли.

Перескочим три порога

И окончится дорога“.

„Стой, скакун, ты проскакал
Через столько рек и скал,
Прежде чем запел петух,
А теперь твой пыл потух.
Почему дрожишь ты, знаю,
Ведь и я изнемогаю“.

„Отчего мы стали, милый?
Обдает меня росой,
Ветер дует, что есть силы,
Ты плащом меня накрой“.—
„Милая, склонись ко мне,
Голова моя, как пламень,
Ах, она в таком огне,
Что согреет даже камень.

Что за гвоздик, мой дружок?“—
„Это крестик, мать дала“.—
„Крестик острый, как стрела,
Он лицо мое ожег.
Выбрось гвоздик, мой дружок!“
Крест упал, как в воду канул,
Всадник грозно обнял панну,
Из очей пахнул огонь,
Засмеялся злобно конь,
Лихо стену пролетел,
Звон поплыл, петух запел...

До начала мессы ранней
Сгинул всадник вместе с панной.

На погосте тихо было:
Спят кресты, недвижны плиты.
Без креста одна могила,
Комья свежие разрыты.

Ксендз у гроба опустился
И за две души молился.

Пер. С. Мар

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три
литвина,

Он пришел толковать с молодцами.
Дети! седла чините, лошадей приводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны
света

Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на
пруссакон

А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые,
(Да хранят вас литовские боги!)
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в
Новограде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных
нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от пруссаков, от проклятых
крыжаков
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета,—
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без
страха:
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно
оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской
девицы.
Весела — что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся будто две свечи!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я
тоже,

И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку.

Сыновья с ним простились и в дорогу
пустились.

Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не
приходит.

Будрыс думал: уж видно убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою
мчится

И под буркою ноша большая.

„Чем тебя наделили? что там? Ге, не
рубли ли?“ —

„Нет, отец мой; полячка младая“.

Снег пушистый валится; всадник с ношею
мчится,

Черной буркой ее покрывая.

„Что под буркой такое? Не сукно ли
цветное?“ —

„Нет, отец мой; полячка младая“.

Снег на землю валится, третий с ношею
мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопчет, и спросить уж не
хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

Пер. А. Пушкин

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕСНЯ ФИЛАРЕТОВ

Гей, будем жить недаром!
Живем ведь только раз.
Чтоб вечно этим чарам
Быть полными для нас!

Так ближе к ним, смелее...
Бери их веселее,—
Беспечности подруг,
Что сблизили наш круг!

Как? Слышу речь чужую?
Мы пьем здесь польский мед.
Пой лучше хоровую,
Что славит наш народ.

На то ль нырял ты в реки
Ученых книг, чтоб гнить?
Нет, ликовать, как греки,
И римлянином быть!

А вон и правоведаы!
И им пусть будет пир.
Меч нужен для победы,
Но права жаждет мир.

Витийство здесь не властно
За вольность щит поднять.
Ее мы любим страстно,—
Но нужно помолчать.

Плавь, окисляй металлы,
Да не проквась свой час.
Златые здесь бокалы...
Мы Вакхов тянем квас!

К мудрейшим сопричислен
Тот химик, мудролюб,
Кто выпить сердца мысли
Умел с любимых губ.

Измерив доли, горы
И все пути планет,
Не мог найти опоры
Бедняга Архимед.

Теперь играть мирами
Решил второй Ньютон.

Сочтет он всех, кто с нами,
И скажет: „Побежден!“

Мерь циркулем и мерой
Ты груды мертвых тел,
Но силу — твердой верой.
Лишь вера ей предел.

Где сердце в нас пылает,
Там циркуль — гордый дух,
Там подвиг все решает,
Один там больше двух.

Гей, будем жить не даром!
Живем ведь только раз.
„Стой!“ — молвим нашим чарам.
Не то минует час...

Уж стынем, поседели.
Нас вечный ждет покой.
Закроет очи Фея
Нам братскою рукой.

Пер. Д. Горюнов

Камень Филаретов в Тухановицком лесу.

НЕМАНУ

Где, Неман, льешься ты прозрачными вол-
нами?

Где путь, которым мы неслись средь влаж-
ных трав?

Ладони полные воды твоей набрав,
Мы припадали к ней горящими устами.

Лауры образ плыл, качаясь перед нами,
В венке из ландышей, фиалок и купав,
А я, к серебряным волнам лицом припав,
Не раз мутил их блеск горячими слезами.

Где эти волны? где? куда их унесло?
А с ними счастье и надежд моих тепло?
Где ранних лет моих и шалости и грезы,
Где бурной юности волнения и грозы?
Друзья беспечные, Лаура, все ушло,
Но если все ушло, что ж не иссякли
слезы?

Пер. С. Мар

К М

Прочь с очей моих,— слушаюсь сразу,
Прочь из сердца,— и сердце послушно.
Прочь из памяти,— память приказу
И моя, и твоя непослушна.

И как тень вырастает длиннее,
Чем я дальше и дальше от дома,
Так печаль в твоём сердце сильнее,
Глубже траур и горше истома.

Неизменно, везде и повсюду,
Где нам больно и сладко дышалось,
Неразлучным с тобою я буду,
Потому что здесь сердце осталось.

Если в горенке тихой случайно
Звучной арфы коснешься устало,
То подумаешь с горестью тайной:
„Ту же песню ему я певала“.

И за шахматной старой доскою
Если ты проиграешь вначале,
То подумаешь с горькой тоскою:
„Так и с ним мы когда-то играли“.
На балу, ожидая в гостиной,
Чтобы скрипки опять зазвенели,
Ты увидишь диван у камина
И подумаешь: „Здесь мы сидели“.
Если ты прочитаешь страницы
Про влюбленных, гонимых судьбою,
То, слезинку стирая с ресницы,
Вспомнишь: так мы расстались с тобою.
Но когда, снизойдя к их мученьям,
Автор сжалится вдруг над сердцами,
Ты погасишь свечу с сожаленьем,
Что случилось все это не с нами.
Если небо прорежет зарница,
Или груша зашепчет несмело,
Или птица забьется —помни́тся:
„Не твоя ли душа прилетела?“
Неизменно, везде и повсюду,
Где нам больно и сладко дышалось,
Неразлучным с тобою я буду,
Потому что здесь сердце осталось.

Пер. С. Мар

СМЕРТЬ ПОЛКОВНИКА

Обступила стрелецкая рота
Ветхий дом старика в перелеске,
Стерегут часовые ворота,
Умирает полковник стрелецкий.

С деревенек крестьяне сбежались,
Видно, вождь окружен был любовью,
Если люди простые, печалься,
Плачут, спрашивая о здоровье.

Отдал вождь приказанье солдату,
Чтоб седлал он коня боевого,
И привел бы коня к нему в хату,
Перед смертью увидеться снова.

Попросил и мундир свой стрелецкий,
Точно в битву спешил снарядиться.
Старый воин хотел, как Чарнецкий,
Умирая, с оружием проститься.

А как вывели лошадь из хаты,
Ксендз с дарами святыми явился,
Побледнели от горя солдаты,
А народ у порога молился.

Ветераны, что шли за Костюшкой,
Вражью кровь и свою проливали,
Слез не зная, пред этой избушкой
Точно малые дети рыдали.

Зазвонили в часовне с рассветом,
Не стояли на страже солдаты,
Уж враги были в округе этом,
Шел народ к телу воина в хату.

Он лежит на топчане досчатом,
И седло под его головою,
Сбоку сабля, ружье боевое.
Но хоть вождь был суровым солдатом,

Красоте его можно дивиться,
Что за стан! ах, была то девица,
То литвинку они хоронили,
Героиню Плятер Эмиля.

Пер. С. Мар

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Выходим на простор степного океана.
Воз тонет в зелени, как челн в равнине вод,
Меж заводей цветов, в волнах травы плывет,
Минуя острова багряного бурьяна.

Темнеет. Впереди — ни шляха, ни кургана.
Жду путеводных звезд, гляжу на небосвод...
Вон блещет облако, а в нем звезда встает:
То за стальным Днестром маяк у Аккермана.

Так тихо! Постоим. Далеко в стороне
Я слышу журавлей в незримой вышине,
Внемлю, как мотылек в траве цветы колышет,
Как где-то скользкий уж, шурша, в бурьян
ползет.
Так ухо звука ждет, что можно бы рас-
слышать,
И зов с Литвы... Но в путь! Никто не
позовет.

Пер. Иван Бунин

НА ВСЕХ ПАРУСАХ

Все громче шум, валы снуют все чаще,
гуще...

Матрос по лесенке взбежал: теперь
держись!

Взбежал и, в сеть вплетясь незримую,
повис

Над бездной, как паук, добычу стерегущий.

Попутный ветер! Вскачь летит корабль все
пуще

И, сбросив удила, ныряет вверх и вниз;
Вспененные бока до неба вознеслись,
Хватает за крыло он ветер, хлябь секущий.

И вместе с мачтами мой дух летит в про-
стор;

Как локон паруса, мое воображенье
Вздымается... Кричу и руки в даль
простер;

Пал кораблю на грудь в блаженном
упоеньи,
И мнится, что его я тороплю движенье...
Что значит птицей быть, мне ведомо с тех
пор.

Пер. О. Румер

ВИД НА ГОРЫ ИЗ КОЗЛОВСКИХ
СТЕПЕЙ

Пилирим

Аллах ли там оплот из ледяных громад
Воздвиг и ангелам престол отлил из тучи?
Иль Дивы этот вал поставили могучий,
Чтоб звездам преграждать дорогу на закат?
Какой там блеск вверху!.. Пылающий
Царьград!
То не маяк ли бог зажег на горней круче,
Чтобы указывать пути в ночи дремучей
Мирам, которые на небесах кружат?

Мирза

Туда взбирался я... Там, пасти рек питая
И клювы родников, сидит Зима седая;

Там снегом сыпали, дыша, мои уста;
Я был, где и орлам дороги незнакомы,
Я тучи миновал, в которых дремлют громы.
И над моей чалмой стояла лишь звезда.
То Чатырдаг!

Пилигрим

Ага!

Пер. О. Румер

БАЙДАРЫ

Пришпоривши коня, лечу во весь опор...
У ног моих плывут,— как бы дыханьем
шквала
Вперед гонимые,— леса, долины, скалы;
Потоком образов хочу насытить взор.
Когда ж мой конь уже не слушается шпор
И ночь на пестрый мир кидает покрывало,—
Дробит, как зеркало разбитое, усталый
Мой глаз видения лесов, долин и гор.
Все спит, лишь я один сомкнуть не в си-
лах очи;
Бросаюсь в море... Вал бежит ко мне,
грохоча,
И, руки протянув, к нему склоняюсь я.
Он рухнул надо мной... Вокруг меня
смятенье...
И, как в водоворот попавшая ладья,
Мой разум в забвенье впадает на мгновенье.

Пер. О. Румер

А Ю Д А Г

Взойдя на Аюдаг и опершись о скалы,
Я созерцать люблю стремительный набег
Волн расходившихся и серебристый снег,
Что окаймляет их гремящие обвалы.

Они, как чудищ рать, с отвагой небывалой
Свирепым приступом берут кремнистый
брег,
И вдруг, как будто кто дорогу им пресек,
Бегут назад, меча нам жемчуг и кораллы.

Так и с твоей душой, о молодой поэт!
Ее ввергает страсть в мятежное волнение,
Но лиру поднял ты,— и словно бы в ответ
Страсть убегает прочь в густую мглу
забвенья,
Роняя по пути бессмертных песен цвет...
Из них тебе венки сплетают поколенья.

Пер. О. Румер

П О Э М Ы

Ф А Р И С

*(Касида в честь эмира Тадж-уль-Фехра,
посвященная Ивану Козлову)*

Как, брег покинув, радуется челн
Опять скользить над голубой пучиной
И, море веслами обняв, средь пенных волн
Лететь, ныряя шеей лебединой,—
Так бедуин коня с утеса рад
Метнуть в простор степей открытой,
Где, погрузясь в поток песка, шипят,
Как сталь горячая в воде, его копыта.
Уже мой конь в сухих зыбях плывет,
Сыпучие валы дельфиньей грудью бьет.
 Все быстрее, быстрее! Сметает
 Он уже гряды песка;
 Выше, выше все! Взлетает
 Он уже под облака.
Как туча он, мой черный конь ретивый.
Со лба его звезда сиянье льет,

По ветру пущена, как перья страуса, грива.
И сыплет искры белых ног полет.

Мчись, летун мой белоногий!

Лес и горы, прочь с дороги!

Пальма тень свою и плод

Мне протягивает тщетно:

Оставляет мой полет

Эту ласку безответной,

И пальма в глубь оазиса бежит,

Шурша усмешкой над моей гордыней.

А вот, на страже у границ пустыни,

Чернеют камни. Цокоту копыт

Отвечив отзвуком, они сурово в спину

Глядят и смерть пророчат бедуину:

„Ты куда, глупец? Назад!

Там ведь солнце мечет стрелы,

И шатры не охранят

Грудь безумца сенью белой.

Там шатер — лишь небосвод,

Там и пальма не растет.

Только скалы там ночуют,

Только звезды там кочуют“.

Я лечу во весь опор,

Их угрозам не внимая;

К ним свой обращаю взор

И едва их различаю:

Длинной тают чередой
И скрываются за мглой.

Поверил коршун им, что я его добыча.
За мной пустился он, взмахнув крылом,
И трижды — медленно паря и клича—
Мне черным голову обвил венком.

„Чую, — каркал, — запах трупа.
Всадник безрассудный, глухо
Средь песков искать пути,
Трав коню тут не найти.
Горькая вас ждет расплата,
Нет отсюда вам возврата.
Ветер бродит тут, свой след
Неустанно замечая;
Гадов тут пасутся стаи,
Для коней лугов тут нет.
Только трупы тут ночуют,
Только коршуны кочуют“.

В глаза мои когтей направив острия,
Он каркал. Трижды мы взглянули око в око.
Кто ж испугался? Коршун, а не я.
Он крыльями взмахнул и улетел высоко.
Лук натянувши, взор я бросил в глубь небес:
Враг пятнышком висел в синеем просторе

Весь с воробья... с пчелу... с букашку
лишь, и вскоре

В лазури растворился и исчез.

Мчись, летун мой белоногий!

Скалы, коршуны — с дороги!

Тут, от закатных отделясь лучей,

Вдруг облак полетел за мной на крыльях

белых:

Прослыть в небесных захотел пределах

Таким гонцом, каким был я в песках степей.

Спустившись, над моей повис он головою

И весть мне подал с ветром, полным зноя:

„Стой! Куда ты держишь путь

С легкомысленной отвагой?

Там тебе живящей влагой

Дождь не смочит лоб и грудь;

Там ручей не отзовется

Серебром своих речей;

Там голодный суховей

Пьет росу, чуть та прольется“.

Я все вперед лечу, не слушая угроз.

Усталый облак стал на небесах метаться,

Все ниже головой склоняться...

Потом улегся на утес.

Когда же на него, с презрением во взгляде,

Я оглянулся вновь, он был далеко сзади.

Я видел по лицу, что в сердце он таил:
Побагровев от злобы волчьей,
От зависти налившись желчью,
Он почернел, как труп, и в горы пал без

сил.

Мчись, летун мой белоногий!
Степи, тучи — прочь с дороги!
Взором я обвел кругом.
На земле и небосклоне
Уж никто не смел в погоне
За моим лететь конем.
Тут объятай сном природе
Не слышать людских шагов;
Тут стихи и без оков
Спят, как звери на свободе,
Что укрыться не спешат,
Человечий встреча взгляд.

Глядь! Я не первый тут! Какие-то отряды
Там за песчаною маячат мне оградой.
Кочуют ли они иль вышли на разбой?
Я вижу всадников, ужасных белизной.
Взываю к ним — в ответ молчанье. Трупы
это!

Давно погибший караван,
Что вырыл из песков пустыни ураган!

Верблюды, всадники — с того пришельцы
света.

Между голых челюстей,
Сквозь широкие глазницы,
Мне конец пророча дней,
Медленно песок струится:
„Бедуин, вернись назад!
Ураганы там царят“.
Я не ведаю тревоги.
Мчись, летун мой белоногий!
Трупы, бури — прочь с дороги!

Тут африканский смерч, пустыни властелин,
Блуждая по сухим волнам ее стремнин,
Заметил издали меня. Он, изумившись,
Остановил свой шаг и крикнул,

закружившись:

„Что там за вихрь? Не юный ли мой брат?
Как смеет он, ничтожный червь на взгляд,
Топтать мои наследные владенья?“

И смерч, рыча, ко мне шагнул в одно
мгновенье.

Увидев смертного с душой, где не жил
страх,

Со злости топнул он ногою,
Пустыню вывел из покоя
И яростно сдавил меня в своих когтях.

Жег меня огнем дыханья,
Из песка до неба зданья
Возводил биеньем крыл
И на землю их валил.
Не сдаваясь, бьюсь я смело,
Чудище в объятьях жму,
Ярыми зубами тело
Разгрызаю я ему.

Столбом хотел взлететь на небо смерч
сыпучий,
Но нет! Дождем песка, порвавшись, он
упал,

И, словно городской широкий вал,
У самых ног моих лег труп его могучий.
Вздохнул свободно я и поднял к звездам
взор.

Очами золотыми все светила
Послали мне привет в земной простор,—
Мне одному: одно лишь существо там было.
Как сладостно дышать всей грудью, полной
силой!

Дышу глубоко я: в арабской всей стране
Для легких воздуха нехватит мне.
Как сладостно глядеть вокруг! С безмерной
силой

Я напрягаю восхищенный взор,

И убегает он все дале, дале,
Чтобы вобрать в себя земные дали
И улететь за кругозор.
Как сладко обнимать красу природы милой.
Я руки с нежностью вперед простер,
И мнится мне: от края и до края
Весь мир к своей груди я прижимаю.
В безбрежную лазурь несется мысль моя.
Все выше... в горние незримые края,
И как за жалом вслед исходит дух пчелиный,
Так душу мысль влечет в небесную пучину.

Пер. О. Румер

ИЗ ПОЭМЫ
„КОНРАД ВАЛЛЕНРОД“

I

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.
Уже пруссак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу.
Между враждебными берегами
Струился Неман: на одном
Еще над древними стенами
Сияли башни, и кругом
Шумели рощи вековые,
Духов пристанища святые.
Символ германца — на другом:
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,
Казалось, свыше захватить

Хотел всю область Палемона
И племя чуждого закона
К своей подошве привлечь.
С медвежьей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пуком
Каленых стрел и с верным луком,
Литовцы юные, в толпах,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга следили.
С другой, покрытый шишаком,
В броне закованный, верхом,
На страже немец, за врагами
Недвижно следуя глазами,
Пищаль с молитвой заряжал.
Всяк переправу охранял:
Ток Немана гостеприимный,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переплавлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал

И друга нежно обнимал.
Лишь соловьи дубрав и гор
По-старине вражды не знали,
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

Пер. А. Пушкин

II

Песня Вайделота

Когда идет зараза на Литву,
Ее приход угадан вещим взором;
Коль вайделотам верить, — наяву
По кладбищам пустым и косогорам,
Вся в белом, в пламенеющем венке,
Не раз являлась Дева Моровая,
Дуб беловежский ростом превышая
И с платом окровавленным в руке.

И стражи в замках кроют взор в шишак;
По деревням псы мордой землю роют
И, чуя смерть, ужасным воем воют,
А Дева грозный направляет шаг
На замки, грады пышные и села, —
И, стоит ей кровавый вскинуть плат,
В любом дворце все станет пусто, голо;
Где ступит, там — могил возникнет ряд.

Ужасный призрак! Но ужасней вдвое
Со стороны немецкой над Литвою

Встал ясный шлем со страусовым пером,
Широкий плащ и черный крест на нем.

Там, где прошло подобное виденье, —
Что́ числить сел и градов разоренье?
Там вся страна лежит в могиле. Ах!
В ком жив еще литовский дух свободный,
Иди ко мне — присесть на гроб народный
И вместе думать, вместе петь в слезах!
О былъ народа! Ты — ковчег завета:
В тебе с былыми слиты наши лета,
Оружие народа скрыла ты
И пряжу дум, и чувств его цветы.

Ковчег! Ты будешь нерушим веками,
Пока к тебе народ привержен твой.
О песнь народа! Ты как страж во храме
Его преданий, были вековой,
С архангельским и словом, и крылами, —
И держишь меч архангельский порой!

Огонь пожрет картины дел достойных,
Богатствам быть добычей рук разбойных,
Но песня, целой, облетит людей;

А если нет у низких душ уменья
Делиться горем и надеждой с ней, —

Ей в горы путь, на камни разрушенья,
Там отголоском стать былых времен.
Так соловей, когда пожар все выше,
На миг присядет, вылетев, на крыше,
А крыша рухнет, — в лес умчится он
И там, над пепелищем, над могилой,
Дарит прохожих песенкой унылой.

Я слышал песню: дряхлый селянин,
Когда под плугом кости вдруг хрустели,
Остановясь, на ивовой свирели
Играл молитву или даль долин
Печалил песней об отцах, бездетных;
И слушал я рой отзвуков ответных;
И было все тем выше, тем грустней,
Что я один то слушал средь полей!

Как в судный день архангельской трубою
Из гроба будет вызвано бывшее, —
На звук той песни кости из-под ног
Вдруг поднялись, — ожившие громады, —
Из праха встали башни и аркады,
В пустых озерах заплескал челнок,
В раскрытых замках — шумное движение,
Князя в венцах и в панцырях бойцы,
Девичьи хороводы и певцы...

Родная песнь коснется плеском крыл, —
В себе почувют сердца древний пыл,
В себе почувют мощь былую духа,
Чтобы хоть миг у них исполнен был
Той доблести, с какою предок жил.

Но что тревожить давние години?
Наш век певец хулить не станет весь:
Ведь есть великий муж, он жив, он здесь, —
Спою о нем я, вам в пример, литвины!

Пер. Г. Шенели

ИЗ ПОЭМЫ „ПАН ТАДЕУШ“

Из IV книги

Тогда Войский ухватил с перевязи
тесменной
Свой рог, турий, длинный, крапчатый,
крученный,
Как змей боа; обеими руками к устам
приставил,
Щеки тыквой раздул, белки окровавил,
Прищурил веки, живот втянул наполовину
И, сколько в нем было воздуха, в легкие
двинул.
Заиграл. Рог, как вихорь, выдуваемый этим
мехом,
В пущу мчит музыку и удвоен эхом.
Умолкли стрелки, замерли от удивленья
Перед силой, чистотой, дивной гармонией
пенья.
Старец все искусство, которым когда-то
в лесах был славея,

Еще раз охотничьему слуху представил.
Сразу наполнились, ожили и бор и дуброва,
Будто стаю спустили на них для начала
лова —

Ибо в музыке вкратце повесть ловчего
спора:

Сперва — что река журчит: это песня сбора;
Дальше — стоны, за стонами — скуление:
игра псов быстрых;

А кое-где тон твердый, как гром:
то выстрел.

Оборвал, но рога не отнял. Всем казалось,
Будто Войский трубит, а то эхо в лесу
отдавалось.

Затрубил. И, скажешь, рог перерождался
И дыханьем Войского то ширился,
то истончался,

Вторя реву зверя. То, как шея волка
Вытянувшись, протяжно выл безумолку,
То вдруг, как из раскрытой пасти
медвежьей,

Рявкнул, дальше зубр воплем воздух
лесной режет.

Оборвал, но рога не отнял. Всем казалось,
Будто Войский трубит, а то эхо в лесу
отдавалось.

И вняв высшего трубного искусства звуки,
Повторяли их дубы — дубам и букам — буки.
Трубит снова. То сотни рогов из рога
Слышатся; заливается визг, рев, гнев,

тревога

Стрелков, псарни, зверья; пока рог

могучий

Отвесно гимн победный не бросил в тучи.
Оборвал, но рога не отнял. Всем казалось,
Будто Войский трубит, а то эхо в лесу

отдавалось.

Что деревьев, то и рогов отдалось из бору.

Друг другу песню несут, как будто хор —

хору.

И шла та музыка все шире, все дале,

И звуки все тише, все чище, высшей красоты

достигали,

Пока не исчезли где-то там у небес порога.

Войский обе руки отпустил от рога,

Распростер их, рог упал на ременный пояс

И качался. Войский, набрякший,

просиявший, стоя

Взоры вверх вперя, точно вдохновленный,

Ухом ловил последние, уходящие звоны.

Пер. И. Аксенов

СТАТЬИ И ПИСЬМА

ИЗ СТАТЬИ „О СТРЕМЛЕНИИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ“

...Уже в период французской революции в сердцах ожила память о братстве народов, расторгнутом правительствами. В период наполеоновских войн смутное предчувствие европейского единства все более отчетливо выступало в форме присоединения демократических партий к французам. А с момента падения Наполеона можно отметить наступление новой политической эпохи. Кто не помнит, как вспыхнувшая в Греции война вызвала усиленный приток пожертвований в пользу повстанцев, как молодежь отовсюду спешила в их ряды? Такое же сочувствие вызвали революции в Неаполе и в Испании. Случалось неоднократно, что обсуждение серьезных вопросов в палатах прерывалось

в связи с получением новостей с Леванта или из Мадрида. От Гибралтара до самой Москвы можно было найти дома, охваченные радостью или погруженные в траур в связи с победами или поражениями рыцарей свободы...

ИЗ ПИСЬМА ГРАЖДАНИНУ ДЖУЗЕППЕ МАДЗИНИ

Париж, 15 марта 1849 года.

Гражданин! С того момента, как мы с вами виделись в Милане, и до сегодняшнего дня, я непрерывно посылаю польских солдат в итальянский легион, невзирая на препятствия со стороны дипломатических агентов итальянских правительств и на затруднения, которые чинили мне мои аристократические и демократические соотечественники. Что касается агентов прежних правительств Италии, то они бессильны нам помешать...

...Вам нужны солдаты и офицеры. Все польские эмигранты являются солдатами; есть у нас также много офицеров. А польская аристократическая партия хочет посы-

лать в Италию только людей, преданных монархии. Она найдет нескольких офицеров, солдат польских она иметь не будет. Те немногочисленные польские солдаты, которые находятся сейчас в Пьемонте, раздобыты аристократией случайно, а Пьемонтское правительство принудило их оставить вам легион. Польское демократическое общество сможет вам послать нескольких политических деятелей и нескольких талантливых офицеров, но оно не в состоянии сформировать армию.

Вам необходима организация, способная к чрезвычайно быстрому развитию: такая организация уже существует. Начало ее вы видели в Милане. Две роты польского легиона, созданного в Ломбардии, находятся в Тоскане. Две другие роты должны в конце этого месяца сесть на корабли в Марселе. А в самом начале будущего месяца мы полагаем иметь возможность скомплектовать батальон. Пока что мы выжидаем, чтобы Тосканское правительство отпустило средства на отправку остальных рот, к организации которых уже приступлено.

Польский легион публично продемонстри-

пожирает современные европейские цивилизации. Он показал нам человечество, спотыкающееся о кучи мусора феодального строя, свергнутого революцией 1789 года, не подчиняющееся уже прежним представлениям — ни королевской власти, ни церкви; болезненно мечущееся среди всего этого хаоса, конкуренции, взаимной ненависти, произвола и рабства, и, за отсутствием веры и знания, рвущееся прежде всего к материальным наслаждениям. Социалисты, — добавил уважаемый вождь фаланстеристов, — это люди, которые распознали положение вещей и хотят ему помочь; консерваторы же, наоборот, неспособны воспринять ни одной идеи реформы, они стараются закрепить навеки эту борьбу, этот беспорядок, эту анархию.

В отношении всего сказанного с нашей стороны нет возражений против доводов гражданина Консидерана. Но сейчас же вслед за этим появляется синтез, разрешение великой проблемы эпохи, и тут наши взгляды расходятся коренным образом. Действительно: мы считаем, что в отношении вопросов, волнующих в настоящий

ровал свой символ веры. Это армия республиканская и социалистическая. Разница между ней и польским демократическим обществом заключается в том, что легион подымает национальное знамя. Он хочет служить Италии, своей сестре, в качестве помощника. Наши офицеры, наши солдаты идут к вам не за тем, чтобы приобретать чины, не за тем, чтобы у вас разбогатеть. Они борются в общих интересах народов...

„СОЦИАЛИЗМ УТОПИЧЕСКИЙ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ“

(№ 31 от 15 апреля)

Париж, 14 апреля 1849 года.

Гражданин Виктор Консидеран выступил сегодня во время дебатов в Собрании с длинным рассуждением о нынешнем положении общества и о средствах спасения его от угрожающей ему опасности. В первой части своего труда, части аналитической, принимаемой нами без всяких оговорок, он вскрыл перед нами все язвы нынешнего общественного порядка, все то зло, которое

момент человечество, необходимы иные средства, нежели ипотечные банки, кредиты для оборота, союз труда, образцовые общины и т. д. А прежде всего мы должны заявить, что всякая система, будь она даже в миллион раз гениальнее системы гражданина Консидерана, останется бесплодной утопией до тех пор, пока она будет стремиться разрешить общественный вопрос мирным путем, никого не задевая.

Как же это так? Вы признаете, что общество состоит из зараженных гангреной элементов, враждебных друг другу, что существуют только рабы и угнетатели, жертвы и палачи, — и вы хотите осчастливить человечество установлением гармонии между добром и злом, между жизнью и смертью, между светом и тьмой? Вы хотите, чтобы коронованные эксплуататоры или капиталисты отступили перед логикой ваших доводов, в то время как они сопротивлялись самопожертвованию и жертвам целых поколений. Поистине, если б мы не верили в вашу добродетель, если б мы не знали вас как человека бескорыстного и честного, мы оттолкнули бы вас, как опасного мечтателя,

расточающего силы своих ближних, отрывая их от действительности, с тем, чтобы заставить их гнаться за неопределенной, сомнительной целью.

Для спасения общества вы рекомендуете организацию ипотечных банков и общин. Пойдите, однако, в Польшу, и вы найдете там подобные банки, организованные еще лет тридцать тому назад. Поезжайте в Россию, и вы на каждом шагу наткнетесь на общины. Все же мы слишком высокого мнения о вас, чтобы поверить, что положение несчастного польского раба или угнетенного царизмом подданного в России вы готовы считать тем идеалом счастья на земле, блеск которого вы раздуваете перед глазами своих обездоленных соотечественников.

...Февральская революция, потрясшая всю Европу, продемонстрировала солидарность всех народов: эта революция приняла характер всеобщий, стала мировой, и сейчас она гремит от Испании до самой Камчатки. Будучи на первый взгляд трех разных видов, она повсюду одинакова. Мы говорим: „трех разных видов“, а это значит, что она общечеловеческая. Она носит национальный ха-

рактар у народов угнетенных, борющихся за свою независимость, как, например, в Италии, в Польше, в Венгрии и у южных славян; она носит политический характер у народов, стремящихся свергнуть троны и привилегии; она носит социальный характер в республике; она носит общечеловеческий характер всюду, где живут люди.

Так вот, для того чтобы дойти до третьей стадии революции, необходима прежде всего война, а не мир; необходимо освободить Италию, необходимо помочь немцам избавиться от их прошлого; необходимо поддержать народы, занятые разрушением Австрии, необходимо, чтобы свобода в Европе навсегда была обеспечена восстановлением свободной и независимой Польши. Французский народ, сам собственными силами совершивший революцию, знал также, как ее нужно развивать, и мы видим, как после 24 февраля он весь пылал желанием поспешить на помощь Италии, поднять последний священный крестовый поход против Австрии, против России. Руководители и социалисты того времени совершенно не поняли этого прекрасного порыва, которому

суждено было закончиться катастрофой 15 мая. Они поспешили подавить его, одни — потоками неискренних и бессмысленных фраз, другие — узкими и эгоистическими доктринами. За свое самоустранение республика вскоре была наказана злосчастной июньской резней и триумфом реакции, которая с тех пор не знает уже предела для своих слепых и своевольных выходов. Итак, мы предупреждаем гражданина Консидерана и говорим ему, что прежде чем мы дойдем до социальных преобразований, мы ожидаем две предварительные и солидарные революции и что сейчас, стараясь отратить ход истории, несвоевременные реформаторы служат только реакции. Пусть же гражданин Консидеран оставит на некоторое время в стороне знамя мира, пусть вместе с нами подымет знамя последней войны свободы против деспотизма, и он может быть уверен, что в день решительной победы он не застанет нас в рядах своих противников. Это наше последнее слово.

ИЗ СТАТЬИ „РАБОЧИЕ ДОМА“

(№ 41 от 25 апреля)

Париж, 24 апреля 1849 года.

В Париже пытаются строить рабочие дома. Это совершенно нового рода учреждения для Франции. Мы обязаны ими Февральской революции и тем идеям, которые она начала осуществлять. В этих учреждениях рабочему обеспечивается возможность дышать здоровым воздухом, квартира и отопление, стало быть, удобства, которых пролетарий до того был лишен. А так как без капиталов ничего сделать нельзя, то и нашлись как будто богачи, которые организуют компанию по строительству этих рабочих домов. Итак, дома эти являются плодом духа кооперации. С этой точки зрения нужно всячески поощрять строительство упомянутых домов.

Но вот поставщики основного капитала и строители, на словах как будто поддающиеся социалистической идее, договариваются все же между собой об использовании ее в интересах момента. Это старая тактика эксплуататоров, — из великолепной самой по себе идеи принимать только то, что выгодно

им лично. Реакция точно так же поспешила взять рабочие дома под свою опеку. Она рассчитывает использовать эти социальные учреждения для борьбы против социализма...

Мы имеем право задать официальным представителям реакции, гг. Тьеру, Фульду, обоим Дюпенам, вопрос: как же это случилось, что в тот момент, когда они стояли у власти и во весь голос провозглашали себя победителями республики и социалистического принципа, им и в голову не пришла мысль о том, чтобы отпустить на строительство рабочих домов те огромные капиталы, которые они истратили на строительство крепостей, тюрем и иных учреждений такого же типа, целью которых является исключительно благополучие королевской короны?

С этими замечаниями мы обращаемся к рабочим, будущим обитателям этих домов. Они могут быть уверены в том, что только революционный и социалистический дух, дух июля и февраля, заставил капиталистов признать необходимость заняться, наконец, вопросами благосостояния пролетария. По-

мощь, которую капиталисты оказывают рабочему классу, следует рассматривать как уступку, вырванную у эгоизма гуманитарным прогрессом, а не как дело христианской любви...

...Так вот, — судьба рабочих домов зависит от самих рабочих. Пусть же они, как граждане, останутся такими же, какими были в февральские дни. Пусть не забывают, что они, лишенные раньше угла, куда голову склонить, смогли завоевать себе право проживания в этих домах только тем, что взяли за оружие в интересах всех страдающих и обездоленных, только тем, что выступили с лозунгами: „Да здравствует Франция! Да здравствует Италия! Да здравствует Польша!“ Лишь тогда, когда они потрясли державы всей Европы, владыки Франции оказались вынужденными заняться их судьбой.

ИЗ СТАТЬИ „КРЕСТЬЯНЕ“

(№ 49 от 3 мая)

Париж, 2 мая 1849 года.

Революция, которая по сути дела была не чем иным, как выражением нужд и чаяний крестьянина, уже в достаточной степени выявила себя как материальная сила. Монархи вынуждены были вступать с ней в соглашения. Ей льстят, за ней ухаживают, ее признают, следовательно, суверенной и, вознося таким образом хвалу французской революции, воздают почести французскому народу, крестьянам.

Европа с напряженным вниманием ждет момента, когда увидит, как освобожденный из-под правительственной опеки французский крестьянин использует свои суверенные права. Веками не переставал он обвинять своих господ в злоупотреблении властью, в насилии и вымогательстве. Сейчас, когда он сам стал господином, он обязан серьезно задуматься над вопросом избрания своих представителей и своих будущих министров...

...Пришла пора урегулировать счета

между народом и теми; кто до сих пор выдавал себя за его представителей. Для крестьянина пришла пора создать национальное представительство действительно крестьянское...

Некий образованный человек, один из министров временного правительства республики, гражданин Карно, в своих циркулярах к учителям, настаивал на необходимости призвать в Национальное Собрание людей из деревни, подразумевая под этим крестьян. „Не бойтесь, — писал он, — избирать людей не ученых“. У Франции нет недостатка в людях ученых и в литераторах. Наука и художественная литература — вещи великие и прекрасные, но пора уже признать, что науки и литература и все то, что называется образованием, в конце концов является лишь дополнением. Существенен моральный характер, моральная сила, талант или дар небес.

Но для того, чтобы не приводить старинных примеров из истории Рима, где бывали крестьяне, диктовавшие законы царям и весьма образованным министрам Греции и Египта; для того, чтобы не говорить даже

об истории ~~Франции~~ Франции, славнейшие богатыри которой, такие, как Карл Великий, как вожди крестовых походов или Жанна д'Арк, не умели ни читать, ни писать, мы сошлемся на современную историю. Рядом с нами существуют абсолютистские монархии и конституционные королевства, в которых принято в качестве догмы, что глава государства не нуждается ни в каком образовании: хватит с него и того, что он подбирает образованных министров. У наших реакционеров не вызывает никакого беспокойства необразованность австрийского императора или невежество английской королевы. Интересует их лишь невежество и необразованность большинства французского народа, а именно крестьян. И все же даже министры и дипломаты соглашались с нами, что французский крестьянин гораздо более способен управлять своими делами, — а это значит, что он гораздо лучше подготовлен и к тому, чтобы заняться чужими делами, — нежели монархи Австрии и Англии.

Крестьянин обязан знать, что он призван к управлению. Именно он должен передать свои полномочия Собранию, которое ему

предстоит избрать. Все народы Европы ждут решения Великого Народа, Великой Нации.

ЗАДАЧИ ПОЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ В МОСКВЕ (1827 г.)

...Выходящая в Москве газета не сможет оставаться равнодушной к все возрастающему богатству русской литературы, развитию науки, искусства и ремесел, к изменениям, вызываемым в столь могущественном государстве непрерывным прогрессом цивилизации. Неоднократно приходилось отмечать тот достойный сожаления факт, что среди иностранных писателей до сих пор еще держатся и распространяются совершенно превратные сведения о нынешнем положении в России. Еще большее, однако, вспомнить, что подобные ошибочные представления держатся в странах, население коих, вследствие близости языка и исконных обычаев, имеет в своем распоряжении множество доступных средств для внесения соответствующих поправок в старые

сведения и получения новых данных о России. Несмотря на наличие многочисленных поводов, польская и русская литературы до сих пор еще не подали друг другу дружеской руки. Богатства одной, как были, так и до сих пор остались безразличными для другой, и это безразличие почти что стирает все следы настоящего их родства. Неоднократные выступления как русских, так и польских писателей против этого безразличия неизменно оставались тщетными, и до сих пор не установлен подлинный, желательный обмен плодами науки, невзирая на то, что сии плоды, будучи пересажены умелой рукой, нашли бы для себя однородную почву и небо, и могли бы таким образом привиться с успехом.

Обеспечив себя содействием людей русской науки, имея возможность легко достать русские периодические и непериодические издания, редакция будущей газеты в Москве приложила бы все старание к тому, чтобы ознакомить читателя с лучшими произведениями, выходящими на русском языке, дабы привлечь к ним внимание польских читателей. В то же время редакция имела

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Е. Усиевич. Адам Мицкевич</i>	7
<i>Русским друзьям. Перев. В. Левик . . .</i>	19

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

<i>Романтика. Перев. Т. Щепкина-Купер- ник</i>	22
<i>Воевода. Перев. А. Пушкин</i>	27
<i>Лилии. Перев. С. Мар</i>	31
<i>Свитезянка. Перев. А. Фет</i>	46
<i>Побег. Перев. С. Мар</i>	53
<i>Будрыс и его сыновья. Перев. А. Пуш- кин</i>	61

СТИХОТВОРЕНИЯ

<i>Песня филаретов. Перев. Д. Горбов . . .</i>	65
<i>Неману. Перев. С. Мар</i>	69
<i>К М... Перев. С. Мар</i>	70
<i>Смерть полковника. Перев. С. Мар . . .</i>	72

К р ы м с к и е с о н е т ы

<i>Аккерманские степи. Перев. Иван Бунин</i>	74
--	----

На всех парусах. <i>Перев. Ф. Румер</i> . . .	75
Вид на горы из Козловских степей. <i>Перев. О. Румер</i>	77
Байдары. <i>Перев. О. Румер</i>	79
Аюдаг. <i>Перев. О. Румер</i>	80

ПОЭМЫ

Фарис. <i>Перев. О. Румер</i>	81
Из поэмы „Конрад Валленрод“. <i>Перев.</i> <i>А. Пушкин</i>	89
Из поэмы „Конрад Валленрод“ — „Песнь Вайделота“. <i>Перев. Г. Шемели</i> . .	92
Из поэмы „Пан Тадеуш“. <i>Перев.</i> <i>И. Аксенов</i>	97
Статьи и письма	101

Редактор А. Мясников

Подписано к печати 29/III 1943 г. Тираж 25 000 экз.
А439. 3 3/4 печ. л. Зак. № 3267. Цена 2 р.

Среднеазиатский тип. Отдел РСФСР треста
„Полиграфкнига“. Москва, Валуевая, 28.

ЧН

Обл. Бюджетная

п. 53 г.

55

Гослитиздат
1943